

УДК 94 (47+57)(092)

Г. НЕСТРОЕВ – ЛИДЕР И ТЕОРЕТИК СОЮЗА СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ЭСЕРОВ) МАКСИМАЛИСТОВ

Л.А. Давыдова

УО «МГУ им. А.А. Кулешова», г. Могилев, Республика Беларусь

Нестроев (настоящая фамилия и имя Цыпин Гирш) Григорий Абрамович родился 29 ноября 1877 г. в Полтавской губернии в купеческой семье. С 1896 г. студент Харьковского технологического института; в 1899 г. за участие в студенческих беспорядках временно исключен из университета. В 1902 г. сослан в Елисаветград, где вошел в социал-демократический кружок. В 1903 г. участвовал в организации студенческого беспартийного социал-демократического журнала «Студент». С 1904 г. член Партии социалистов-революционеров, работал в партийных организациях Екатеринослава, Гомеля, выезжал за границу. Неоднократно арестовывался. В 1906 г. вступил в Союз социалистов-революционеров максималистов, являлся членом петербургской организации Союза. С 1907 г. выступал как теоретик партии. Был арестован и сослан в Якутию, бежал за границу, где опубликовал работы с критикой программы эсеров и обоснованием доктрины максимализма. С начала I мировой войны вступил добровольцем во французскую армию. Вернувшись в Россию после Февральской революции, вновь вступил в ССРМ. Участник 4-й (декабрь 1918), 5-й (апрель 1919) конференций Союза, член Центрального Совета ССРМ. Арестован вместе с женой в октябре 1924 г. в Москве, сослан на Соловки, затем в Верхне-Уральск [1, с. 394].

Г. Нестроев был теоретиком и лидером ССРМ наряду с М. И. Соколовым, В. В. Мазуриным, В. Д. Виноградовым, Г. А. Ривкиным, А. Г. Троицким. Свое существование максималисты начали в 1904 г. как левое, наиболее радикальное крыло партии эсеров. В 1906 г. в Або (Финляндия) состоялся учредительный съезд, превративший эту группу в Союз социалистов-революционеров (эсеров) максималистов. В.И. Ленин характеризовал максималистов как сторонников «революционных тенденций народничества», однако указывал на анархический характер их революционности и теоретическую беспомощность [2, с. 31].

Максималисты доказывали необходимость борьбы за немедленное осуществление социалистического строя как в деревне, так и в городе. Они безоговорочно верили и в полную готовность к социализму российского крестьянства и рабочего класса, что отличало их от остальных народнических организаций. Максималисты требовали «немедленной социализации», «прямого захвата всех помещичьих и государственных земель, скота, сельскохозяйственного инвентаря и «социализации фабрик и заводов», установления в России «трудовой республики», которая мыслилась как переходный строй после захвата власти пролетариатом и крестьянством [3, с. 21].

Прямым продолжением теории максималистов явилась их тактика, отмеченная авантюристическим стремлением вызвать подъем массового революционного движения, силу и значение которого для победы революции максималисты отнюдь не недооценивали, с помощью активной террористической деятельности [4, с. 5].

Максималисты признавали только «прямое действие» – террор, партизанскую борьбу, вооруженное восстание, захваты, экспроприации, или, как они говорили в резолюции, «мы, социалисты-революционеры максималисты, налагаем на себя обязанность добиваться своих целей революционным путем» [5, с. 32]. По неполным данным, за 1906 – 1907 гг. максималистами было осуществлено свыше 50 террористических актов, из которых крупнейшим и получившим наибольший общественный резонанс явилось покушение на П. А. Столыпина 12 августа 1906 г. в Петербурге [6, с. 223].

После революции 1905-1907 гг. Г. Нестроев пытался найти причины быстрого распада Союза социалистов-революционеров максималистов, видя его в том что с укреплением контрреволюции исчезла вера в социалистическую революцию, которая создала успех максималистских идей у значительной части рабочих социалистов-революционеров. Хотя он же отмечал, что в конце апреля 1907 г. максималистская рабочая организация в Петербурге насчитывала 400 человек, были также группы в Брянске, Курске, Киеве, Екатеринославе, Белостоке и на Урале. Однако, с середины 1907 г. максималистские группы, как отдельное целое, перестали существовать, отчасти исчезнув, отчасти слившись с анархистами [7, с. 514].

Г. Нестроев вступает в полемику с В. Черновым, который сравнивает максималистов с анархистами, осуждает их программу и тактику. В этой полемике с В. Черновым теоретик

максимализма Нестроев справедливо указывал, что нельзя, для характеристики целого направления, ссылаться на рукописи отдельных лиц. Он отмечал, что теория максимализма является последовательным и логичным развитием взглядов и программы самих социалистов-революционеров. Г. Нестроев указывал, что если в обосновании своей программы максималисты вообще представляют полную противоположность анархистам, оставаясь государственниками и коллективистами, то тактика их (не говоря уже о практике) действительно мало чем оригинальна и ее очень трудно отличить от тактики анархистской [7, с. 515].

В работах «Из дневника максималиста» (Париж, 1910 г.) и «Максимализм и максималисты перед судом В. Чернова» (Париж, 1910 г.), Г. Нестроев описывает деятельность Союза – экспроприации и террор. Нестроев признавая принцип экспроприации, предостерегал от проповеди его в массах, так как «лишь сознательные революционеры могут осторожно пользоваться всеми видами его и не бояться превращения экспроприации в бандитизм» [7, с. 516]. В этих работах Нестроев пытался осветить практическую деятельность левонародников, и в первую очередь максималистов, в 1905 – 1906 гг. Правда, Нестроев основное внимание уделил террористической деятельности эсеров левого толка, в которой он видел «революционный пафос революции». Именно героям-террористам и посвятил свои воспоминания Нестроев. Главным в революции для эсера-максималиста была не борьба масс, а одиночный террор, т. е. сугубо индивидуалистические формы борьбы. В этой борьбе эсеры-максималисты усматривали высшее проявление революционности и служения делу социализма [8, с. 158].

После февральской революции, когда в общественную деятельность втянулись широчайшие массы, эсерский максимализм вновь нашел себе сторонников. Г. Нестроев написал программную брошюру ССРМ «Максимализм и большевизм», которая была издана в 1919 г. в Москве. Брошюра по решению Всероссийского совещания эсеров-максималистов в декабре 1920 г. легла в основу разрабатывавшегося проекта программы Союза [9, с. 46]. В брошюре Нестроев доказывал, что победив «под чужим им стягом народнического максимализма», большевики начали затем постепенный «отход на старые позиции марксизма», что в конечном счете и привело их к «измене» делу социализма [1, с. 396].

Г. Нестроев критиковал большевистскую аграрную программу и Декрет о земле. Нестроев призывал крестьянство не допускать государственного вмешательства в решение аграрного вопроса: «Мы признаем преимущество крупного хозяйства перед мелким, но крупного самоуправляющегося, существующего и развивающегося не из-под палки» [10, с. 93]. Нестроев отмечал: «Большевизм признает первый вид коммунизма – коммунизм государственный, - максимализм признает коммунизм децентрализованный, свободный от опеки центральной власти, свободный от государственных пут, осуществляющий во всей полноте право на существование свободных людей в свободном коммунистическом обществе» [10, с. 107].

На состоявшейся в декабре 1918 г. IV конференции максималистов Г. Нестроев и А. Зверин выступали за установление тесной связи с левыми эсерами, в то время как А. И. Бердников и Ф. Ю. Светлов призывали к установлению тесного контакта с коммунистами. Г. Нестроев разъезжая по европейским странам, выступал с лекциями о «русских проблемах», вел активную борьбу против III Интернационала [2, с. 40].

Несмотря на усилия лидеров ССРМ, в том числе Г. Нестроева, распад максималистских организаций был неизбежен. В середине 20-х годов Союз сошел с политической арены.

Список использованных источников

1. Политические партии России, конец XIX – первая треть XXв. «Рос. Полит. Энцикл.»(РОССПЭН), Рос. Независимый ин-т соц. и нац. проблем. – М. РОССПЭН, 1996. – 800с.
2. Банкротство эсеров-максималистов / Ю. И. Шестак // Вопросы истории – 1977. - № 1. с30-46.
3. Аграрный вопрос в России в начале XX столетия / В. С. Коновалов. – М. : ИНИОН РАН, 1996, - 157 с.
4. Союз эсеров-максималистов. 1906 – 1924 гг. Документы, публицистика / Политические партии России, конец XIX – первая треть XX века. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 423 с.
5. Черномордик, С.И. Эсеры (партия социалистов-революционеров) / С. И. Черномордик. – Харьков : Пролетарий, 1930. – 50 с.

6. Программы политических партий России, конец XIX – XX вв. / Рос. Независимый ин-т социал. и нац. пробл. (РНИСиНП) и др. – М. : РОССПЭН, 1995. – 461 с.
7. Горев, Б. И. Максималисты / Б. И. Горев // Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова : Т 3: Кн. 5. СПб., 1914. с 511-523.
8. Алексеева, Г. Д. Народничество в России в XX в. Идейная эволюция / Г. Д. Алексеева. – М. : Наука, 1990. – 245 с.
9. Жуков, А.Ф. Идейно-политический крах эсеровского максимализма / А. Ф. Жуков. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. – 158 с.
10. Нестроев Г. Максимализм и большевизм / Г. Нестроев. – М. : Максималист, 1919. – 141с.

УДК 930

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ «НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ»

А.П. Косов

УО «ВГУ им. П.М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

В исторической науке XX в. одним из перспективных и популярных направлений стала историческая антропология. Обращаясь к ее истокам, отдельные исследователи заглядывают в конец XVIII – XIX вв. и называют целый список предшественников этого направления: Л. д’Осси, Ж. Мишле, Ф. Ницше, А. Варбург, Ф. Корнфорд, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебни, А.Н. Веселовский и др. Однако справедливости ради следует отметить, что перечисленные выше авторы не только не использовали самого термина «историческая антропология», но и не принадлежали к какому-то одному, общему для них, научному движению или направлению [4]. Поэтому более справедливо основоположником исторической антропологии как особого исследовательского подхода в истории считать известного французского исследователя средневековья М. Блока. Особенно выделяют одну из его основных работ – «Короли-чудотворцы» (1924 г.), написанную с новых, нехарактерных для позитивистской историографии, позиций. Неоцененная по достоинству в то время, данная книга приобрела широкую популярность среди исследователей лишь в 1970–1980-е гг., что позволило М. Блоку по праву считаться основоположником исторической антропологии.

Безусловно, М. Блок стал одним из новаторов в мировой исторической науке, поскольку его обращение к фигуре человека с новых позиций заложило основу будущего направления. Согласно М. Блоку, человек является магнитом, который, притягивая к себе сферы исследований самых разных наук, позволяет рассматривать их в историко-антропологической перспективе. Поэтому в своей книге «Апология истории или ремесло историка», воплощающей программные методологические и содержательные принципы нового понимания истории, М. Блок сделал вывод: «Настоящий историк похож на человеческого людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча» [2, с. 18]. Взгляды и подходы М. Блока в области исторического познания разделял его соратник по школе «Анналов» Л. Февр, а также их последователи в лице Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, Э. Ле Руа Лядюри и др. Новым в их творчестве стала переориентация внимания с событий политической и военной истории, персоналий правящих элит, истории искусства и т.п., что было основным для классической истории на изучение картин мира, обычаев, образов жизни, привычек и иных стереотипов сознания и поведения рядового человека рассматриваемого периода. По существу уже в 1950–1960-х гг. шла подспудная «антропологизация» отдельных исследовательских сфер (аграрная история, демографическая история). И хотя до 1970-х гг. лозунг «исторической антропологии» как нового направления прямо не выдвигался: новые подходы ассоциировались преимущественно с «историей ментальностей», переживавшей пору своего расцвета [4].

Значительное влияние на появление исторической антропологии оказали и успехи социальной антропологии (исследования К. Леви-Строса, А. Рэдклифф-Брауна, Б. Малиновского, Э. Эванса-Причарда, К. Гирца и др.). Сближение в 1950–1960-е гг. антропологии и истории в работах К. Томаса, Э.Хобсбоума, А. Макфарлейна, Т.Ниппердая, Ю. Мартина, О. Кёлера и др. также существенно способствовало появлению данного направления в исторической науке.

Таким образом, переориентация предмета исследования в мировой историографии приводит к появлению и дальнейшему развитию исторической антропологии как самостоятельного направления, что вызвало своеобразную революцию в исторической науке, повлекшую за собой два десятилетия острых дебатов в научной среде. Их итогом, приведшим к смене исследовательских ориентиров у